

Шалкинский Павел Дмитриевич

**Автобиография, жизнь в расколе
и православии и деятельность
епархиального миссионера,
священника Павла Шалкинского**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
П12

- П12 **Павел Дмитриевич Ш.**
Автобиография, жизнь в расколе и православии и деятельность епархиального миссионера, священника Павла Шалкинского / Шалкинский Павел Дмитриевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 76 с.

ISBN 978-5-521-30612-1

ISBN 978-5-521-30612-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

старой безпоповской вѣры) съ женою и сыномъ, Димитрій съ женою (бездѣтный), Иванъ съ женою (бездѣтный) и Димитрій (мой родитель) съ женою и четырьмя дѣтьми; кромѣ сыновей у Максима было три дочери, двѣ замужнія, а одна дѣвица, которыя также всѣ перекрестились въ безпоповство. Всѣхъ ихъ перекрестилось сразу до 60 душъ. Родитель же мой, опасаясь преслѣдованій со стороны гражданской и духовной власти, не сталъ перекрециваться въ Шалкинѣ, а въ этомъ же году осенью переселился на жительство въ село Самодуровку съ своимъ семействомъ, какъ на мѣсто болѣе спокойное отъ преслѣдованій, переманивъ сюда и родителей, и братьевъ, и сестеръ съ ихъ мужьями. Одинокovy, не долго думая, распродали все свое имѣніе въ Шалкинѣ, за полуцѣнокъ, и переѣхали на жительство въ Самодуровку въ 1855 году, чему послѣдовали и зятья ихъ.

Самый переходъ изъ православія въ безпоповство совершился не безъ волненій. Удивительно, какая была суета, сколько было переполоху! Главные члены моего семейства, цѣлыя ночи проводили безъ сна, собирая къ себѣ людей, толкуя о вѣрѣ, читали разныя книги и рукописи, утверждаясь въ безпоповствѣ. Они стремились всячески убѣдиться въ мнѣніи о духовномъ антихристѣ, царствующемъ яко-бы въ православной Церкви. Народъ темный, простодушный вѣрилъ всему, что было прочитано изъ какой-либо старопечатной книги, или раскольнической рукописи, и быстро стекался на каждое собраніе, происходившее каждый носкресный и праздничный день, а иногда и на будняхъ. Мѣстная гражданская и духовная администрація, преслѣдуя всѣ эти собранія, мало старалась разубѣдить колеблющихся и разсѣять заблужденія, она не давала имъ покоя и разгромляла ихъ;

но крестьяне принимали все это за признак гонений, яко бы воздвигаемыхъ на церковь ихъ отъ власти послѣдннго антихриста. И, такимъ образомъ, въ с. Шалкинѣ, въ періодъ времени не болѣе пяти лѣтъ, быстро распространилась безпоповская секта и перекрестилось въ безпоповство болѣе 300 человекъ. Поэтому для Шалкинскихъ безпоповцевъ вскорѣ поставленъ былъ Павломъ Сычевымъ, наставникомъ безпоповцевъ с. Самодуровки, настоятель отставной унтеръ-офицеръ Терентій Матѣевъ (по профессіи горшечникъ), человекъ вовсе малограмотный, который обставилъ переднюю стѣну своей жилой избы иконами, сталъ собирать къ себѣ безпоповцевъ на богомоленіе и сталъ для нихъ отправлять всѣ нужныя требы. Отступленіе отъ православія нашего родителя и его братьевъ столько сдѣлало вреда для православной Церкви, что намъ, потомкамъ ихъ, слѣдуетъ плакать всегда предъ Господомъ Богомъ и просить о прощеніи грѣха раскола, содѣланнаго ими. Ибо и въ сосѣднихъ селахъ жители, не знавшіе дотошъ что такое безпоповство, отъ нихъ же заразились и до нынѣ пребываютъ многіе въ расколѣ подъ вліяніемъ Самодуровскихъ безграмотныхъ стариковъ.

Родители мои, какъ только переселились въ с. Самодуровку, тотчасъ же взялись за дѣло пропаганды съ горячей энергіей, и безпоповскій наставникъ, Сычевъ, весьма радъ былъ переходу ихъ въ Самодуровку и на первыхъ же порахъ снабдилъ разными книгами и поставилъ ихъ въ обществѣ на первый планъ; прихожанамъ своимъ приказалъ дѣлать имъ во всемъ предпочтеніе и, если случится какой-либо матеріальный недостатокъ, выручать ихъ, не давая приходить въ унадокъ. Въ этомъ же 1855 году, родитель мой, не отлагая дѣла на долгое время, исполнилъ свое

желаніе—перекрестился въ безпоповство со всѣмъ семействомъ.

Обрядъ перекрещиванія совершался такъ: въ понедѣльникъ первой недѣли великаго поста, въ глубокую полночь, пошли мои родители къ наставнику Сычеву, взяли съ собой и меня. Сычевъ принялъ насъ съ великимъ восторгомъ и обсыпалъ ласками; прежде всего приказалъ онъ положить предъ иконами два поклона въ поясъ и третій въ землю—это у нихъ называются поклоны приходные; мы исполнили и затѣмъ поклонялись ему въ ноги, произнося: „Прости насъ, отче, Христа ради и благослови“. „Богъ проститъ и благословитъ васъ, чада мои“—отвѣтилъ наставникъ, стоя въ переднемъ углу у аналоя. Потомъ положилъ онъ руку на главу мою и сказалъ родителямъ: „Это перворожденный сынъ вашъ, который будетъ для васъ утѣшеніемъ въ жизни. Добръ сотвориша, приведоша его сѣмо и онъ, по вѣрѣ вашей, восприметъ Христіанскую вѣру и прославитъ Бога“. Потомъ приказалъ намъ сѣсть и долго велъ съ нами разговоръ, дѣлалъ разныя наставленія,—разъяснялъ какъ должны мы нести возлагаемый на насъ канонъ. Наставленіе это мы принимали какъ бы изъ устъ чловека блаженнаго, или святаго, украшеннаго сѣдинами и разумомъ, и запечатлѣли ихъ въ сердцахъ своихъ навсегда.

Послѣ многихъ разговоровъ, Сычевъ приказалъ намъ положить семипоклонный началъ и далъ заповѣдь родителямъ моимъ ежедневно полагать 1000 поклоновъ во весь великій постъ,—700 поклоновъ поясныхъ и 300 земныхъ,—а миѣ, какъ малолѣтку, положилъ только 50 поклоновъ земныхъ на каждыя сутки. Родителямъ моимъ еще далъ заповѣдь полагать 300 поклоновъ поясныхъ за меня, какъ за мало-

лѣтка (мнѣ было 7 лѣтъ). Пищу употреблять заповѣдалъ холодную—хлѣбъ съ водою—и всего одинъ разъ въ сутки. Все это мы ревностно исполнили и приготовили себя къ перекрещиванію. Однако, совершилось нѣчто достойное удивленія во время нашего перекрещиванія. Наступилъ пятокъ страстной седмицы,—Сычевъ пригласилъ насъ въ глубокую полночь перекрещиваться. Я вдругъ какъ-то почувствовалъ въ себѣ какой-то страхъ и трепетъ объять душу мою; если бы не силы родителей, я не сталъ бы перекрещиваться; я тогда не понималъ, что творится со мною, но теперь я полагаю съ вѣроятностію, что повліяла на меня благодать Божія, преподанная мнѣ чрезъ Св. Таинства св. православной Церкви въ Крещеніи и Мѣропомазаніи; она, думаю, тогда возгорѣлась во мнѣ, какъ въ малолѣткѣ, не понимающемъ совершаемаго надо мною грѣха по волѣ родителей. Когда мы шли мимо православной часовни (тогда въ с. Самодуровкѣ церкви не было), въ которой совершали богослуженіе православные, то я залился неутѣшными слезами и плакалъ почти до самаго дома безноповскаго наставника. Родители всячески старались унять меня, но не могли; когда я самъ успокоился, они спросили меня, о чемъ я такъ горько плакалъ. Я сказалъ имъ, напоминая о православной часовнѣ, что если бы тамъ были не еретики, то не для чего намъ было бы и перекрещиваться, а то вотъ до какихъ временъ дожили,—сказалъ я,—что нигдѣ нѣтъ православнаго христіанскаго священника. Родители подивились этому, и передали мои слова наставнику Сычеву, за что онъ весьма меня одобрилъ и утѣшилъ тѣмъ моихъ родителей, сказалъ, что мальчикъ нашъ съ понятіемъ. Что же за симъ? Наступило время перекрещиванія, и народа

собралось человѣкъ до 50. Сычевъ, послѣ многихъ разговоровъ и назиданій, приказалъ намъ положить семипоклонный началъ, прочиталъ, что положено по ихъ безпоповскому требнику, повелъ насъ въ усадьбу, позади двора, перекрещивать, гдѣ у него устроена крещальня. Нужно сказать: крещальня эта ничто иное, какъ большой четверугольный срубъ, запущенный въ глубину земли въ сажень, на текучемъ ручейкѣ, который протекаетъ чрезъ всѣ усадебныя мѣста сосѣднихъ жителей, гдѣ обыватели сваливаютъ навозъ и бросаютъ всякую нечистоту; въ крещальнѣ этой женщины моютъ зольную пряжу, бѣлье и дѣтскія замаранныя пеленки. Вотъ здѣсь-то Сычевъ насъ и перекрещивалъ. Сначала перекрещивалось одно семейство крестьянина с. Шалкина Егора Сидорова Коробкова, а потомъ и наше. Мнѣ все это представлялось чрезвычайно страннымъ и опаснымъ; сердце мое трепетало, духъ и совѣсть беспокоились весьма. Родители мои перекрестились;—насталъ рядъ мѣ. Сычевъ препоясалъ меня бѣлымъ полотномъ подъ плеча; за концы котораго держалъ лѣвой рукой; а правую погружалъ въ воду. Какъ только первый разъ погрузилъ, мнѣ что-то представилось чрезвычайно страшное: на днѣ сруба будто-бы лежало какое то чудовище съ распостертыми руками и хотѣло меня схватить; я, уцѣпившись за край сруба, моментально выпрыгнулъ изъ него и, вырвавшись изъ рукъ Сычева, устремился бѣжать къ двору, съ громкимъ крикомъ: „Караулъ“! „Караулъ“!... Перекрещиваніе прекратилось. Креститель и всѣ присутствующіе перепугались, такъ какъ крещеніе у нихъ совершалось въ ночной тишинѣ и подъ большимъ секретомъ отъ православныхъ, и тишина эта нарушилась въ данномъ случаѣ; пошла суетня, толкотня и т. п. Цой-

мали меня и привели въ модельню. «Что съ тобою?»—спрашиваютъ меня наставникъ и присутствующіе съ нимъ. Я не могъ разсказать отъ избытка горечи и слезъ, дрожа всѣмъ тѣломъ и, рыдая, говорилъ имъ: „для чего вы меня хотѣли удушить“?.. О видѣнномъ же въ срубѣ умолчалъ и молчалъ до днесь. Такъ и оставили меня неперекрещеннымъ до весны. Весною въ 1856 г., когда прибыли изъ с. Шалкина главные члены нашего семейства, родители мои, по совѣту ихъ, перекрестили меня въ Петровъ постъ, у Сычева, въ чану, устроенномъ вновь въ этой же усадьбѣ, въ которомъ также женщины моютъ зольную пряжу, бѣлье и дѣтскія замаранныя пеленки. Капризная судьба привела мнѣ креститься въ жизни три раза: первый разъ въ православной Церкви въ три погруженія; второй—у беспоповцевъ въ одно погруженіе; третій—у тѣхъ же беспоповцевъ въ три погруженія. Последнее перекрещиваніе въ три погруженія, смутило многихъ старообрядцевъ и самого наставника Сычева: «Нужно бы крестить въ два погруженія, причисливъ въ нимъ первое погруженіе, совершенное въ пятокъ страстной седмицы; и вышло бы крещеніе въ три погруженія, а теперь крещенъ онъ (т. е. я) въ четыре погруженія».—говорили наставникъ и другіе старообрядцы. По этому поводу былъ собранъ соборъ, на которомъ рѣшили, чтобы впередъ поступать осторожнѣе.

Перекрестивъ меня, родители испросили у Сычева благословеніе отдать меня въ наученіе грамотѣ. Ученіе у раскольниковъ заключается въ томъ, чтобы быстро разбирать буквы и бѣгло читать по старинной книгѣ или раскольниковой рукописи, съ разстановкою, и дѣлать правильныя ударенія на каждомъ слогѣ, что для меня не составляло большого затруд-

ненія, и я, чрезъ четыре года сдѣлался хорошимъ тѣломъ при молитвенныхъ собраніяхъ. А затѣмъ, бывъ 16 лѣтъ, поставленъ въ уставщика при молитвенномъ домѣ. Настоятель Сычевъ, видя во мнѣ человека, преданнаго своему дѣлу и занимающагося всегда чтеніемъ старопечатныхъ книгъ, съ согласія всего общества поручилъ мнѣ всѣ дѣла, касающіяся религіозныхъ вопросовъ и всѣхъ, даже и прѣзбѣжнихъ, посылалъ за разрѣшеніемъ своихъ недоумѣній ко мнѣ. А когда самъ отлучался, по какому-либо дѣлу, изъ Самодуровки, то поручалъ мнѣ исправлять за себя и требы, какъ-то: крещеніе, исповѣдь и проч.

Кромѣ того, нѣсколько разъ былъ я командированъ въ разныя губерніи для собесѣдованія съ старообрядцами и дѣлалъ большіе успѣхи: Сычевъ масса-ми перекрещивалъ въ безпопѣвство старообрядцевъ и православныхъ; прѣзжавшихъ изъ дальнихъ странъ, за что и поощрялъ меня всѣчески. Съ православнымъ духовенствомъ и миссіонерами бесѣдовать онъ запрещалъ: „Съ этими еретиками нечего бесѣдовать, говорилъ онъ, это отступники, еретики и антихристовы предотечи; съ ними хоть бесѣдуй, хоть не бесѣдуй, они все еретики, они не перейдутъ къ намъ. А вотъ бесѣдуй-ка съ этими, указывая на стариковъ и старухъ православныхъ, и приводи-ка ихъ въ христіанство-то, вѣдь они, послѣдуи еретикамъ, по незнанію погибають“. Такія мысли внушали мнѣ и родители мои; я хотя и понималъ чѣмъ тутъ пахнетъ *), но исполнялъ это въ точности. Не исполнять приказаніе наставника, хотя бы оно было и не законное, въ безпоповскомъ обществѣ считается великимъ грѣхомъ. Итакъ, текли мѣсяцы и годы, я продолжалъ свое

*) Сычевъ бесѣдовать съ православными запрещалъ потому, что они всегда безпоповцевъ ставили вгупицы. Авторъ.

дѣло энергично. Родители мои и дядья исключились изъ общества крестьянъ с. Шалкина и приписались къ обществу с. Самодуровки, основавъ здѣсь свою резиденцію, купили себѣ домъ съ надворнымъ строеніемъ и усадебнымъ мѣстомъ; стали жить въ ряду съ крестьянами и пользоваться всѣми надѣлами, что еще больше укрѣпило нашу связь съ Самодуровцами.

Общество безпоповцевъ мнѣ казалось и страннымъ, и безблагодатнымъ; но читая Соловецкую челобитную, подпольной печати, я былъ очень враждебно настроенъ по отношенію къ св. православной грекороссійской Церкви; а особенно ругалъ и проклиналъ, ни въ чемъ неповиннаго, патр. Никона, за исправленіе церковно-богослужебныхъ книгъ и обрядовъ. При такомъ убѣжденіи, я не только въ церковь войти, но и близко подойти къ ней считалъ величайшимъ грѣхомъ; случалось, когда идешь мимо церкви, во время богослуженія, затыкалъ уши пальцами, чтобы не слышать церковнаго пѣнія. Вотъ какая была ненависть и злоба къ православію — „Господи! прости меня въ этомъ великомъ согрѣшеніи“.

Что же побудило меня измѣнить мнѣніе о православной Церкви? — Это слѣдующіе случаи:

1. Однажды рано, послѣ утрени, шелъ я мимо православной Церкви, въ которой и танже утрени отошла, и православные въ сторожкѣ читали какую-то книгу; я остановился и рѣшилъ подойти и послушать подъ окномъ, что они читаютъ. Подхожу. Крестьянинъ Иванъ Димитріевъ Логиновъ читаетъ изъ пролога о Феодорѣ купцѣ, потерпѣвшемъ неудачу въ торговлѣ и задолжавшемъ одному жиловину, и какъ жиловинъ отказался отъ полученнаго имъ золота, посланнаго ему Феодоромъ въ боченкѣ по водѣ. Эту же повѣсть я читалъ и у себя въ моленной. Долго я

стоялъ и слушалъ, и мнѣ это очень понравилось. Думаю себѣ: и здѣсь не плохо дѣлають, читають тоже самое, что и мы читали; но только погибають за то, что приняли отъ Никона ереси. Съ этими мыслями я и ушелъ отъ сторожки, но все-таки послѣ этого стало меня тянуть сюда, чтобы еще послушать: не читають-ли еретики что нибудь дѣльное?..

2. Однажды, въ праздникъ Богоявленія Господня, послѣ часовъ (у безпоповцевъ литургія не служится) шелъ я чрезъ рѣку, гдѣ православный священникъ совершалъ освященіе воды, и я издалека смотрѣлъ на это дѣйствіе; но близко подойти опасался, какъ бы не заподозрили безпоповцы. Какъ только священникъ погрузилъ крестъ въ воду, тотчасъ же послѣдовало нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, и меня это совершенно потрясло, и я подумалъ, что это воинство означаетъ выстрѣлами побѣду на діавола. Священникъ съ иконами пошелъ въ церковь, а народъ началъ черпать воду въ сосуды и раздѣжаться съ рѣки; я дождался, когда раздѣхались всѣ. Потомъ подошелъ къ мѣсту освященія и увидѣлъ въ прорубѣ изящно вырубленный осьмиконечный крестъ Христовъ; съ копіемъ и тростію, что меня даже поразило. Я, остановившись надъ этимъ крестомъ, долго смотрѣлъ и, возвративъ на небо, со слезами произнесъ: „Господи, для чего Ты допускаешь осквернять такую святыню, такимъ еретикамъ, отступникамъ и антихристамъ“ и т. д. И при этомъ долгомъ размышленіи, невольно мелькало въ мысли моей: „почему же и они не христіане, когда стараются вырубить изъ такого слабаго вещества такой художественный, осьмиконечный, крестъ Христовъ? Потомъ думаю: да какъ же это въ нашей челобитной писано, что они крестъ осьмиконечный не почитаютъ, а отвергаютъ; а

оказывается что-то наоборот?... Такъ съ этой мыслию я и отправился домой... Крестъ этотъ такъ меня тронулъ, что я ежедневно ходилъ и любовался имъ, пока онъ заплылъ подой и совершенно уничтожился. Смотря на этотъ крестъ, я мысленно представлялъ себѣ то самое событіе, которое совершилось въ первый разъ при Спасителѣ и Иоаннѣ Предтечѣ и думалъ: вѣдь если бы священникъ-то былъ православный, а не еретикъ, то и мы были бы здѣсь на Іорданѣ и участвовали бы въ семъ, приличномъ для христіанъ, воспоминаніи явленія Христова на Іорданѣ. По поводу этого креста я спросилъ однажды Павла Сычева: „какъ же это въ нашей челобитной писано, что Церковь греко-россійская отвергаетъ осьмиконечный крестъ Христовъ; почему же они вырубаютъ на рѣкѣ волюду такой крестъ, который отвергаютъ?“ Сычевъ отвѣтилъ: „Что писано въ челобитной, то вѣрно. Еретики рубятъ это ради того, чтобы избѣгнуть нарѣканій съ нашей стороны“. Быть можетъ и такъ, подумалъ я. Но все-таки мысль моя говорила мнѣ: посмотри еще на богослуженіе православныхъ и это принесетъ тебѣ не малую пользу.

3. Однажды, въ праздникъ преполовенія пятидесятницы, священникъ и всѣ православные вышли на источникъ для освященія воды; я, совершенно случайно, подошелъ къ этому мѣсту: источникъ этотъ окруженъ высокими горами, и я, волей-неволей, долженъ былъ простоять здѣсь нѣсколько времени; и, заинтересовавшись, подошелъ близко къ священнику; и вотъ, когда священникъ сталъ погружать крестъ въ воду, заплъ: „Спаси Господи люди твоя“, — и вѣче громко подхватилъ: „и благослови достояніе твое!“... въ этотъ моментъ у меня сердце затрепетало и слезы полились рѣкой; но все-таки я скоро удалился, боясь